

ТИТ ЛИВИЙ

ТИТ ЛИВИЙ

Война с Ганнибалом



МОСКВА
2017

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32
Л55

Перевод с латинского *Симона Маркиша*

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

В оформлении обложки использована репродукция
картины «Ганнибал переходит через Альпы»
художника Николя Пуссена (1594–1665)

Серия «100 главных книг»
Оформление *Н. Ярусовой*

Ливий, Тит.

Л55 Война с Ганнибалом: исторические хроники /
Тит Ливий ; [пер. с лат. С. Маркиша]. — Москва :
Издательство «Э», 2017. — 448 с.

ISBN 978-5-04-088931-0 (Pocket book)
ISBN 978-5-04-088933-4 (100 главных книг)

Мужественные воины древности оживают на страницах «Римской истории» знаменитого Тита Ливия. Часть этой книги — «Война с Ганнибалом» — пересказал с латинского языка Симон Маркиш. Историей упорного и захватывающего противостояния между карфагенянами под предводительством Ганнибала и Римской республикой зачитывались многие поколения юношей и подростков.

УДК 94(37)
ББК 63.3(0)32

© Маркиш С., пересказ.
Наследники, 2017
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-04-088931-0
ISBN 978-5-04-088933-4

Я приступаю к рассказу о самой великой войне, какую помнит мир, — о Второй Пунической войне, которую карфагеняне под водительством великого полководца Ганнибала вели против римского народа.

Никогда до той поры не сталкивались на полях сражения государства или племена более могущественные и лучшие вооруженные; вдобавок противники успели отлично узнать друг друга в Первую Пуническую войну, которая длилась двадцать три года и закончилась победою Рима. Промежуток между Первой и Второй Пуническими войнами составляет также двадцать три года.

Военное счастье было так изменчиво, что не раз будущие победители оказывались на волоске от гибели, силы с обеих сторон были неизмеримы, а взаимная ненависть — еще выше сил.

КАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

Когда Ганнибалу было лет девять, его отец, Гамилькар, командовавший карфагенянами в завершающие годы Первой Пунической войны, готовился переправиться с войском в Испанию: потеряв Сицилию, Карфаген рассчитывал возместить урон завоеваниями в Испании. По-детски ласкаясь к отцу, мальчик просил взять его с собою, и тут Гамилькар подвел сына к алтарю, велел ему коснуться рукою внутренностей жертвенного животного и принести клятву, что будет вечным, непримиримым врагом римского народа.

О ТЕХ, КТО КОМАНДОВАЛ В ИСПАНИИ ДО ГАННИБАЛА

Девять лет провел Гамилькар в Испании, неустанно расширяя владения Карфагенской державы, и было ясно, что в душе он лелеет иную войну, куда большую, чем Испанская. Проживи он еще — и пунийцы вторглись бы в Италию не с Ганнибалом, а с Гамилькаром во главе.

Но Гамилькар умер, а Ганнибал был слишком юн, чтобы сменить его на посту командующего. В течение восьми лет верховное начальствование

принадлежало Гасдрубалу, которому Гамилькара, очарованный его красотой и острым умом, отдал в жены свою дочь; среди солдат и простого люда наибольшим влиянием пользовалась партия баркидов¹, она-то и поставила у власти Гамилькарова зятя. Гасдрубал больше полагался на разум, чем на силу оружия, и потому не столько воевал, сколько искал для Карфагена новых союзников, склоняя к дружбе соседние народы, их царьков и предводителей. Впрочем, и мир не пошел ему на пользу: на глазах у целой толпы он был зарезан каким-то рабом, который мстил за смерть своего господина, казненного Гасдрубалом.

Убийцу тут же схватили, но он ликовал и радовался так, словно благополучно ускользнул, и даже под пытками, когда тело его рвали на куски, радость заглушала муки — и он смеялся.

Видя, с каким искусством вел Гасдрубал государственные дела, римский народ заключил с ним договор, установив границу между римскими и карфагенскими владениями реку Ибер и порешив, что город Сагунт, который стоит на ничейной земле², должен сохранить свою свободу.

Кому занять место Гасдрубала, сомнений не было ни малейших: воины немедленно подняли на руки молодого Ганнибала, принесли его на главную площадь лагеря и под единодушные крики одобрения провозгласили императором.

¹ Партия баркидов — партия сторонников войны с Римом, называвшаяся так по имени своего вождя Гамилькара Барки.

² Это значит, что римляне еще не подступили к Иберу (ныне Эбро) вплотную с севера, а карфагеняне — с юга.

Ганнибал после смерти отца сперва жил в Карфагене, а затем Гасдрубал прислал письмо в сенат с просьбою отправить Ганнибала к нему, в Испанию. Собрался сенат, и баркиды говорили, что сын Гамилькара должен привыкнуть к ратному делу и стать наследником отца, а глава противной партии, Ганнон, предложил ответить Гасдрубалу отказом.

— Чего мы опасаемся? — спрашивал он. — Что сын Гамилькара слишком поздно узнает вкус безграничной власти и царского великолепия? Или что сами недостаточно скоро и проворно сделаемся его рабами? Нет, этого юношу надо держать дома и выучить его покоряться законам и властям, как покоряются им все прочие в Карфагене! А иначе — берегитесь, чтоб из малой этой искры не разгорелся великий пожар!

ПРАВ, ДОСТОИНСТВА И ПОРОКИ ГАННИБАЛА

Все другие люди в сенате поддержали Ганнона, но их было немного, и, как обычно, большая часть взяла верх над лучшей. Ганнибал был отправлен в Испанию и сразу же стал любимцем всего войска. Старые солдаты были готовы верить, будто снова видят перед собою молодого Гамилькара: тот же облик, та же живость лица и сила взгляда. Но вскоре о сходстве с отцом уже мало кто и вспоминал; вместо этого в один голос заговорили о том, что не было еще на земле человека, одинаково одаренного двумя противоположными способностями — начальствовать и повиноваться. И едва ли кто мог

решить, кому Ганнибал дороже — командующему или войску: и Гасдрубал, если надо было действовать смело и решительно, всем прочим предпочитал Ганнибала, и воинам ни один из начальников не внушал столько доверия и отваги.

Никто не боялся опасностей меньше, чем Ганнибал, и никто не обнаруживал большей осмотрительности в самые опасные мгновения. Никакие труды не могли утомить его тело или сломить дух. И зной, и мороз он переносил одинаково терпеливо. Никогда не ел и не пил ради удовольствия, но лишь утоляя голод и жажду. Бодрствовал и спал, не различая дня от ночи, отводя отдыху лишь то, что оставалось от дел; да и тогда не искал ни мягкой постели, ни тишины, и многие видели, как он растягивался прямо на земле, покрывшись солдатским плащом, посреди постов и караулов.

Одеждою он ни в чем не отличался от своих сверстников, зато оружие его и кони всем бросались в глаза. Не было бойца искуснее Ганнибала ни среди всадников, ни среди пехотинцев. Первым летел он в схватку, последним уходил с поля битвы.

Великие эти достоинства соединялись с такими же великими пороками: нечеловеческою жестокостью, неслыханным вероломством; не было для него ничего истинного, ничего святого, он не испытывал ни малейшего страха перед богами, ни малейшего уважения к клятве.

Три года прослужил Ганнибал под началом у Гасдрубала, не упустив из виду ничего, что следовало знать и уметь будущему великому полководцу, а с того самого дня, как принял верховное

начальствование, начал готовиться к войне против римлян. Медлить нельзя, считал он, промедление приносит с собою всякие случайности, а несчастные случайности отнимают жизнь: так погибли и отец его, Гамилькар, и зять, Гасдрубал, погибли, не осуществив своих замыслов. И Ганнибал решает напасть на Сагунт, вернее — сперва на соседей Сагунта, чтобы казалось, будто он втянут в войну самым ходом событий.

ГАННИБАЛ ПОДБИРАЕТСЯ К САГУНТУ

В первый год он покори́л племя олькадов, на другой год — вакцеев. Но побежденным удалось поднять против карфагенян сильный народ карпетанов, и, соединившись, они ударили по войску Ганнибала, тяжело нагруженному добычей, нагрябленной в земле вакцеев.

Дело происходило недалеко от реки Тага. Ганнибал от битвы уклонился и наскоро разбил лагерь, а как только стемнело и неприятель утих, расположившись на ночлег, перешел реку вброд и разбил новый лагерь, оставив врагу место для переправы. Всадники получили приказ: как увидят, что пехота противника вошла в воду, — тут же в атаку. На берегу были расставлены сорок слонов.

Карпетанов вместе со вспомогательными отрядами олькадов и вакцеев было около ста тысяч — войско, в открытом поле непобедимое. Полагаясь на свою многочисленность да к тому же уверенные, будто враги в ужасе отступили, они считали, что лишь река отделяет их от победы, а потому, не до-

жидаясь приказа, ринулись в воду — без всякого порядка, кто где стоял.

Тогда с противоположного берега спустился громадный отряд конницы. Бой завязался посередине течения и был бы далеко не равным, даже если бы всадники были безоружны, потому что пешие с трудом удерживались на ногах и опрокинуть их конем не стоило никакого труда. Значительная часть испанцев погибла в стремнинах и водоворотах, а тех немногих, кого вынесло на вражеский берег, растоптали слоны. Задние ряды, которым удалось благополучно вернуться на свой берег, кинулись врассыпную, потом стали собираться вместе, но Ганнибал не дал им опомниться: четырехугольным строем карфагеняне двинулись вперед, и карпетаны не устояли.

Спустя несколько дней и это племя известило Ганнибала о полной и безоговорочной своей покорности. Теперь все земли к югу от Ибера, кроме владений Сагунта, были в руках карфагенян.

Сагунтяне понимали, что столкновения с карфагенянами не избежать, и отправили в Рим послов с жалобой на Ганнибала, который нарушает договор, заключенный Гасдрубалом. Консулы представили посланцев Сагунта сенату, и те рассказали, что Ганнибал натравливает на сагунтян соседний народ турдетанов и в то же время вызывается примирить враждующих. Неужели не ясно, восклицали послы, что он просто-напросто ищет повода вмешаться в дела города и в конце концов лишить его свободы? Сенат постановил нарядить посольство в Испанию и потребовать, чтобы всякие враждебные действия против города Сагунта — со-

юзника римского народа — были прекращены. Затем посольство должно было посетить самый Карфаген и сообщить тамошнему сенату о жалобе сагунтян. Но не успели еще послы тронуться в путь, как пришла новая весть: Ганнибал уже осаждает Сагунт!

Все были растеряны — такой стремительности никто не ожидал и не предвидел. Никаких новых постановлений сенат римский, однако же, не вынес, и послы поспешно отбыли в Испанию.

ОСАДА САГУНТА НАЧАЛАСЬ

Сагунт был самым богатым и многолюдным среди городов Испании к югу от Ибера. Он стоял примерно в полутора километрах от моря, и первым источником его богатства надо считать морскую торговлю, а вторым — тучные, плодородные земли.

С опустошения этих земель и начал Ганнибал войну. Затем он подступил к самому городу, с той стороны, где городская стена выходит на сравнительно ровную долину: отсюда, решил Ганнибал, будет нетрудно подвести осадные навесы и под их прикрытием придвинуть таран.

Но место это лишь издали казалось выгодным для нападающих. Над укреплениями поднималась очень высокая башня, да и стена была выведена выше остального уровня. Вдобавок обороняли ее лучшие, отборные молодые воины, всякий раз бросающиеся туда, где опасность была особенно велика. Сперва они осыпали врага стрелами и камнями, а потом, осмелев, принялись делать вылазки.

Вспыхивали короткие, беспорядочные схватки, в которых карфагеняне обычно теряли больше, чем сагунтяне. Кончилось тем, что сам Ганнибал был тяжело ранен дротиком в бедро. Видя, что он упал, карфагеняне пришли в неописуемое смятение и кинулись бежать; еще немного — и все осадные навесы, все начатые работы были бы брошены на произвол врага.

На несколько дней — пока заживала рана Ганнибала — карфагеняне прекратили военные действия. Но строительные работы не останавливались, и вскоре война возобновилась с новой силой. Осадные навесы и тараны были теперь пододвинуты с нескольких сторон сразу: осаждающие решили использовать свое численное превосходство — их было около полутора сот тысяч, куда больше, чем осажденных, которые не могли поспеть повсюду. И вот тараны уже колотят в стену, уже рушатся укрепления и открывается широкая брешь — три башни подряд и два прясла между ними обвалились с оглушительным треском!

Карфагеняне были убеждены, что город пал и осажденные будут искать спасения в бегстве. Но дело обернулось так, словно рухнувшая стена одинаково прикрывала до тех пор и сагунтян, и пунийцев, — с таким ожесточением и яростью бросились они друг на друга. Завязалось настоящее сражение, нисколько не похожее на отчаянные стычки, какие обыкновенно случаются при взятии города, когда уже все решилось и победители только добивают побежденных, — тут сражались, словно в открытом поле, на каждом свободном от

развалин клочке, между обломками стены и рядами домов.

Одних воодушевляла надежда, других — отчаяние; пуниец верил, что Сагунт уже взят и лишь еще одно, совсем небольшое усилие необходимо для полного торжества, а сагунтяне собственными телами прикрывали отечество, лишившееся стен, и никто не отступал ни на шаг, зная, что на оставленное им место тут же поставит ногу враг! И чем яростнее они сражались, чем теснее сплачивались ряды, тем больше раненых падало с обеих сторон, потому что ни один удар не пропал даром.

Сагунтяне метали длинные копьё с круглым еловым древком и четырехгранным железным наконечником; нижнюю часть наконечника обматывали паклей, а паклю пропитывали смолой. Наконечник был длиною без малого метр, так что вместе со щитом мог пробить и грудь, которую этот щит прикрывал. Но даже и тогда, когда он застревал в щите, воин ронял оружие со страха, потому что, прежде чем метнуть копьё, паклю поджигали, а в полете пламя разгоралось и жарко вспыхивало.

Долго исход боя оставался неясен, но ведь сперва сагунтяне и надеяться не смели на столь длительное сопротивление, а потому теперь воспрянули духом и внезапно, подняв оглушительный крик, вытеснили врагов в развалины стены. Пунийцы растерялись и, потеряв надежду на победу, сразу же почувствовали себя побежденными. Они бежали без оглядки и укрылись в своем лагере.